

ЯЗЫК, СОЗНАНИЕ, КОММУНИКАЦИЯ

Д.В. Иванов

Нормативность и трудная проблема содержания

Иванов Дмитрий Валерьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: ivdmity@mail.ru

Объясняя природу сознательных состояний, мы сталкиваемся с трудной проблемой содержания – натуралистическое объяснение не способно учесть нормативность ментального содержания. Сталкиваясь с этой проблемой, мы не можем примирить три тезиса: тезис Ф. Brentano о том, что все ментальные состояния интенциональны; тезис Р. Веджвуда о том, что интенциональность нормативна, и тезис Дж. Макдауэла о том, что нормативность сознательного опыта возникает в результате воспитания, обретения второй природы. Для преодоления этого затруднения предлагается обратиться к представлениям Л.С. Выготского о формировании высших психических функций. Допуская существование инструментального мышления у животных, мы в определенной степени допускаем и элементы нормативности и свободы в их сознательной активности. Однако свобода действия животных ограничена зрительным полем. Ребенок достигает независимости от перцептивного поля, осваивая знаковую деятельность. Освоение этого вида деятельности, которая, очевидно, нормативна, является примером расширения когнитивных процессов. В статье утверждается, что обретение второй природы зависит именно от развития способностей оперировать знаками. Представление же Макдауэла о том, что обретение второй природы связано с развитием концептуальных способностей, отражает лишь последний этап развития ребенка, когда тот осваивает работу с абстрактными (научными) понятиями. Предложенные размышления позволяют решить проблему примирения обозначенных выше тезисов. Однако трудная проблема содержания не исчезает, поскольку предложенный взгляд на проблему содержания и нормативности предполагает пересмотр оснований натурализма и допущение, что действия живых существ определяются прежде всего смыслами, которые уже наличествуют в мире.

Ключевые слова: трудная проблема содержания, интенциональность, ментальное содержание, нормативность, рациональные основания, натурализм, вторая природа

Понимание природы сознательного опыта предполагает объяснение не только феноменальных качеств, но и содержания ментальных состояний. Считается, что, объясняя природу феноменальных качеств, мы сталкиваемся с трудной проблемой сознания, с невозможностью редуцировать данные качества к каким-либо естественным процессам. Относительно же содержания сознательных состояний предполагалось, что мы можем натуралистически объяснить их природу. Однако можно показать, что это не так. Объясняя содержание сознательных состояний, мы также сталкиваемся с трудной проблемой. Дело в том, что помимо феноменального характера сознательные состояния обладают также и нормативным характером, но натуралистическое объяснение не способно учесть нормативность сознательного опыта.

I

По-видимому, невозможно дать определение нормативности без того, чтобы в определяющей части не встречались какие-либо термины, предполагающие нормативность. Однако это не должно составить проблемы для понимания того, что имеется в виду, когда мы говорим о нормативности сознательного опыта. Мы можем понимать нормативность сознательной активности по аналогии с нормативностью языкового поведения, проводя параллели между значением языковых выражений и содержанием ментальных состояний.

Следуя за Л. Витгенштейном, мы должны отметить, что значение языкового выражения тесно связано с его употреблением. Освоение языкового значения предполагает способность следовать правилам определенного языкового поведения. Как отмечает Т. Торнтон, «любое правило эксплицитным образом нормативно: оно устанавливает те шаги, которые ему соответствуют, и те, которые не соответствуют» [Thornton, 2004, p. 28]. Осваивая какую-либо правилосообразную деятельность, мы берем на себя обязательства действовать определенным образом. Именно в этом заключается понимание правил.

Витгенштейн обсуждает правилосообразную деятельность, прежде всего проясняя природу значения языковых выражений. Однако, как указывает Торнтон, размышления Витгенштейна о языке – это «способ более широкого обсуждения значения, мысли и интенциональности» [Ibid., p. 27]. Например, в «Философских исследованиях» мы можем встретить подобные пассажи о природе различных ментальных состояний:

Желание как бы заведомо знает, что его удовлетворит или удовлетворило бы; предложение, мысль – что их сделает истинными, даже если на самом деле этого вовсе не случится! Откуда это *определение* того, чего еще нет в наличии? Это деспотичное требование? («Жесткость логической необходимости») [Витгенштейн, 1994, с. 213].

Подобно тому, как значение языкового выражения задает определенные стандарты языкового поведения, содержание ментального состояния определяет условия своей выполнимости. Комментируя Витгенштейна и сравнивая содержание ментальных состояний и значение языковых выражений, Торнтон так пишет об этом:

Интенциональные ментальные состояния подобны в том, что они также устанавливают те действия или события, которые им соответствуют или удовлетворяют их. Так, например, наличие ментального состояния, подобного ожиданию, накладывает стандарт, с помощью которого можно выносить суждения о мире. В случае ожидания последующие события будут либо удовлетворять, либо подрывать его, и то, от чего это зависит, определяется самим ожиданием [Thornton, 2004, p. 28].

Обоснование обращения к анализу значения языковых выражений для прояснения природы содержания ментальных состояний мы находим у Дж. Серла, который писал следующее:

Объясняя Интенциональность в терминах языка, я вовсе не подразумеваю, что Интенциональность носит, по существу, лингвистический характер... Пытаясь разяснить Интенциональность в терминах языка, я опираюсь на знание языка как на эвристическое средство объяснения. Стараясь же сделать ясной природу Интенциональности, я покажу, что отношение логической зависимости является обратной. Язык выводим из Интенциональности, но не наоборот [Серль, 1987, с. 100–101].

Как отмечает Серл, интенциональные состояния обладают как интенциональным содержанием, так и условиями выполнимости, т.е. тем, что должно произойти, чтобы интенциональное состояние реализовалось. Именно содержание ментального состояния задает условия выполнимости. Серл отмечает, что условие выполнимости – это не просто нечто, что сопровождает интенциональное состояние, что просто случается. Это именно то, что должно происходить, чтобы состояние было выполнено. Серл пишет:

Выражение «условие выполнимости» несет в себе обычную двусмысленность процесса – продукта и может быть как *требование*, так и *требуемое*. Так, например, если я убежден в том, что идет дождь, то условием выполнимости моего убеждения является то, что *должен идти дождь* (требование). Именно этого требует мое убеждение для того, чтобы быть истинным. Если же мое убеждение на самом деле истинно, то в мире будет существовать определенное условие, а именно что *идет дождь* (требуемое), являющееся условием выполнимости моего убеждения, т.е. условие, которое реально выполняет мое убеждение [Там же, с. 109].

Этот пассаж можно проинтерпретировать следующим образом. Содержание интенционального состояния является не просто результатом пассивного отражения определенного положения дел (идет дождь). Оно выступает как основание наших убеждений и сознательной активности. Схватывание содержания убеждения предполагает, что мы осознаем, какие условия должны выполняться, чтобы убеждение имело место.

Рассуждение Серла можно развить дальше. Отмечая, что интенциональное состояние всегда принадлежит субъекту, мы можем сказать, что схватывание содержания этого состояния не просто специфицирует условия его выполнения, но и накладывает определенные обязательства на субъекта, специфицирует его дальнейшую сознательную активность. Например, интенциональное состояние восприятия того, что идет дождь, не просто предполагает,

что должен идти дождь, оно также выступает основанием убеждения, что идет дождь, которого субъект должен придерживаться, если он вообще формирует на основе восприятия убеждения.

II

Пытаясь натуралистически объяснить ментальное содержание, мы можем представить его как результат каузального воздействия неконцептуализированных «сырых» данных, предоставляемых нам миром, и последующей понятийной обработки этой информации нашим мозгом. Дж. Макдауэл, следуя за У. Селларсом, обозначает эту теоретическую ситуацию как миф о данном. При таком подходе мы можем лишь оправдывать наши действия, но не обосновывать их. Макдауэл пишет: «Если мы рассматриваем опыт в терминах воздействий на нашу чувственность, которые приходят извне пространства понятий, мы не должны думать, что мы можем апеллировать к опыту для обоснования наших суждений и убеждений» [McDowell, 1996, p. 14]. Очевидно, что при таком подходе мы упускаем в объяснении нормативный характер сознательного опыта.

Выход из этой ситуации заключается в том, чтобы признать, что обоснование сознательной активности может происходить только из концептуальной сферы. Однако такое решение может привести нас к когерентистской позиции относительно обоснования. Ее недостаток заключается в том, что концептуальная сфера по-прежнему мыслится как отделенная от мира, а сознательная активность предстает как игра пустых понятий, ничем не ограниченная. Как полагает Макдауэл, для того чтобы избежать проблем, связанных с когерентизмом, нам необходимо допустить, что мир не является хаотичной совокупностью неконцептуализированных данных, отделенных от сферы сознательного опыта. Мир, как мы его воспринимаем, является изначально концептуально оформленным.

При таком подходе содержанием ментального состояния оказывается то положение дел в мире, которое мы воспринимаем. Как отмечает Макдауэл, «*то, что вещи такие-то и такие-то*, есть концептуальное содержание опыта, но... этот же самый момент, *то, что вещи такие-то и такие-то*, также является воспринимаемым фактом, аспектом воспринимаемого мира» [Ibid., p. 26]. Будучи концептуально оформленным, воспринимаемое положение дел оказывается основанием для наших убеждений и действий.

К подобному выводу мы приходим также, анализируя другую проблему, с которой сталкиваются интерналистские натуралистические теории содержания. Эти теории, противопоставляя содержание, которое находится «в голове», неконцептуализированным данным, поставляемым миром, сталкиваются со скептическим парадоксом, сформулированным Витгенштейном. Парадокс возникает из невозможности объяснить, каким образом содержание сознания соотносится с миром. Поскольку мир представляется как неупорядоченная совокупность неконцептуальных данных, которая сама по себе не говорит нам о том, каким образом она должна мыслиться, постольку наши попытки соотнести содержание ментального состояния с миром лишаются какого-либо

критерия, позволяющего говорить о правильности или неправильности такого соотнесения. Любая интерпретация или иная процедура, соотносящая ментальное содержание и мир, может пониматься одновременно и как правильная, и как неправильная, а это значит, что мы утрачиваем нормативную составляющую сознательно опыта при таком подходе.

Витгенштейн формулирует скептический парадокс, анализируя проблему следования правилам. Этот парадокс возникает, если следование правилу предполагает соотнесение понимания правила, например, посредством интерпретации, с конкретной ситуацией. Витгенштейн так пишет о парадоксе:

Наш парадокс был таким: ни один образ действия не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действия можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом. Поэтому тут не было бы ни соответствия, ни противоречия [Витгенштейн, 1994, с. 163].

По мнению Витгенштейна, для того чтобы избежать парадокса, нам необходимо признать, что

...существует такое понимание правила, которое является не интерпретацией, а обнаруживается в том, что мы называем «следованием правилу» и «действием вопреки» правилу в реальных случаях его применения [Там же].

По сути, мы можем сказать, что следование правилу становится возможным, когда мы сразу воспринимаем ситуацию как требующую определенного образа действия. Мы должны видеть ее как основание для соответствующей сознательной активности.

III

Натуралистический подход к объяснению ментального содержания не способен учесть нормативный характер сознательного опыта. Однако почему этот факт заставляет нас говорить именно о трудной проблеме? Дело в том, что, пытаясь объяснить содержание, мы сталкиваемся с теми же вызовами, с которыми имеем дело при решении проблемы сознания. В случае с сознанием нам необходимо натуралистически объяснить природу таких субъективных качеств, как квалиа, не упуская феноменального характера, присущего сознательному опыту. Пытаясь же натуралистически объяснить содержание, мы не должны потерять нормативный характер сознательного опыта. Вообще, можно сказать, что проблема объяснения содержания является еще одним аспектом проблемы сознания. Иначе говоря, проблему сознания следует рассматривать как состоящую из проблем объяснения феноменального и нормативного характера сознательного опыта. В одном случае нам нужно объяснить квалиа, в другом – содержание.

Если мы показываем, что проблема квалиа возникает из-за невозможности редуцировать эти качества к естественным свойствам, то перед нами появляются две альтернативы. Либо мы должны занять элиминативистскую позицию и признать, что квалиа не существуют или являются чем-то вроде иллюзии,

либо мы должны пересмотреть основания существующей научной картины мира и попытаться включить в нее квалиа. Например, расширить научную картину мира и включить в нее квалиа как базовые элементы предлагает Д. Чалмерс, обозначая свою позицию как натуралистический дуализм. С той же ситуацией мы сталкиваемся, объясняя ментальное содержание. Если мы не можем редуцировать содержание к каким-либо естественным процессам (функциональным, информационным), не потеряв нормативность, то мы можем либо встать на элиминативистскую позицию, либо же принять какую-нибудь особую форму натурализма, дополняющую существующие натуралистические представления о мире.

Элиминативизм является привлекательной позицией, если мы рассматриваем и квалиа, и содержание как нечто внутреннее, но нередуцируемое к процессам в мозге. Однако в случае содержания, если мы занимаем экстерналистскую позицию и отождествляем содержание с положениями дел в мире, нам необходимо выработать теоретический подход, совместимый с натурализмом. Такой подход был предложен Макдауэлом. Он обозначает его как натурализованный платонизм.

Отождествляя концептуальное содержание сознательного опыта с воспринимаемым положением дел, Макдауэл указывает на опасность неверного истолкования его взглядов. Он пишет: «Мир состоит из такого рода вещей, которые можно мыслить, страх идеализма способен заставить людей заподозрить, что мы отказываемся от независимой реальности – как если бы мы представляли мир в качестве тени нашего мышления или даже как сделанный из какого-либо ментального вещества» [McDowell, 1996, p. 28]. Однако с положением дел отождествляется именно содержание ментальных состояний, а не мышление как психологический процесс. Сталкиваясь с определенным положением дел, мы воспринимаем его концептуально оформленным, именно поэтому оно способно выступать как основание для нашего мышления и действий. В некотором смысле мы можем говорить о том, что основание мыслится как идеальное (возможно, в смысле Э.В. Ильенкова).

Свою форму идеализма Макдауэл противопоставляет классическому платонизму, который он обозначает как «необузданный платонизм»:

В необузданном платонизме рациональная структура, в которой высвечивается значение, не зависит ни от чего чисто человеческого, так что способность нашего разума резонировать с ней выглядит оккультной или магической. Натурализованный платонизм является платонистским в том смысле, что структура пространства рациональных оснований обладает определенного рода автономией; она не производна от, не является отражением каких-либо истин о человеческих существах, которые постигаются независимо от присутствия этой структуры. Однако этот платонизм не является необузданным: структура пространства рациональных оснований не конституируется в полной изоляции от чего-либо чисто человеческого. Требования разума по своей сути таковы, что воспитание позволяет открыть человеку глаза на них [Ibid., p. 92].

Последнее предложение очень важное. Именно благодаря воспитанию мы обретаем способность воспринимать положения дел как основания. В процессе

приобщения к языку, культуре и социальным практикам ребенок обретает то, что Макдауэл называет второй природой. В ходе обретения второй природы, развития концептуальных способностей – способностей видеть основания – мы актуализируем наше существование в качестве рациональных животных.

С точки зрения натурализованного платонизма нормативность сознательного опыта связана с обретением второй природы. Очевидно, такой подход не позволяет нам объяснить сознание полностью. Скорее, это теория сознания взрослого человека, встроенного в социальную практику. За ее рамками оказывается объяснение сознательного опыта животных и маленьких детей, еще не прошедших социализацию. Чтобы понять природу сознания, нам необходимо показать, что общего имеется в сознательном опыте животных, детей и взрослого человека.

По мнению Макдауэла,

...то, что мы разделяем с бессловесными животными, – это перцептивная восприимчивость к характеристикам окружающей среды... Бессловесные животные являются природными существами и более ничем. Их существование всецело заключено в природе. В частности, их сенсорные взаимодействия с окружающей средой являются естественными процессами. И вот мы подобны бессловесным животным в том, что мы таким же образом перцептивно восприимчивы к нашей окружающей среде [McDowell, 1996, p. 69, 70].

Такой ответ Макдауэла по-прежнему оставляет нас с проблемой объяснения содержания.

IV

Чтобы четко увидеть проблему, зафиксируем основные положения относительно сознания, которые, как представляется, должны выполняться. Пытаясь объяснить субъективность сознательного опыта, мы не должны отказываться от понятия интенциональности. Субъективность характеризуется наличием уникальной перспективы, в которой мир представляется сознающему существу в определенном ракурсе, как наделенный определенным смыслом. Наилучшим образом перспективный характер опыта фиксируется понятием интенциональности. Существенной чертой интенциональных состояний является их аспектуальность. Она объясняет перспективный характер нашего опыта, т.е. тот факт, что субъективные феномены всегда даны нам определенным образом. Как пишет Серл, «обращать внимание на перспективный характер сознательного опыта – это хороший способ напомнить себе о том, что всякая интенциональность аспектуальна... Каждое интенциональное состояние имеет то, что я называю аспектуальной формой» [Серл, 2002, с. 131]. Сказать, что интенциональное состояние обладает аспектуальной формой, фактически означает указать на то, что это состояние имеет содержание, фиксирующее объект, на который оно направлено, в определенных аспектах.

Сохраняя таким образом понятие интенциональности, мы, по сути, принимаем тезис Ф. Brentano о том, что все сознательные ментальные состояния интенциональны. Brentano писал:

Всякий психический феномен характеризуется посредством того, что средневековые схоласты называли интенциональным (или же ментальным) внутренним существованием предмета и что мы, хотя и в несколько двусмысленных выражениях, назвали бы отношением к содержанию, направленностью на объект (под которым здесь не должна пониматься реальность), или имманентной предметностью. Любой психический феномен содержит в себе нечто в качестве объекта, хотя и не одинаковым образом. В представлении нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в любви – любится, в ненависти – ненавидится и т.д. [Брентано, 1996, с. 33]

Положение Брентано можно назвать базовым тезисом. Из него вытекает тезис о том, что интенциональные состояния обладают нормативным характером, поскольку существенной их чертой является наличие содержания. Этот тезис четко сформулировал Р. Веджвуд. Ссылаясь на С. Херли, он пишет: «Не существует способов объяснения природы различных видов ментальных состояний, которые обладают интенциональным или репрезентационным содержанием (таких, как убеждения, суждения, желания, решения и т.д.), без использования нормативных терминов» [Wedgwood, 2007, p. 2]. Тезис же Макдауэла о связи нормативности сознательного опыта с обретением второй природы можно рассматривать как тезис, объясняющий положение о том, что интенциональность нормативная. По отдельности эти три тезиса выглядят вполне приемлемыми. Однако вместе они несовместимы. Таким образом, проблема объяснения содержания превращается в проблему того, как примирить три тезиса: 1) тезис Брентано о том, что все ментальные состояния интенциональны; 2) тезис Веджвуда о том, что интенциональность нормативна; и 3) тезис Макдауэла о том, что нормативность сознательного опыта проистекает из обретения второй природы.

Тезис Макдауэла вполне совместим с тезисом Веджвуда. Однако, принимая их, мы вынуждены отказаться от тезиса Брентано и признать, что ментальные состояния животных и маленьких детей не являются интенциональными и не обладают нормативным характером. Такое решение между тем вновь сталкивает нас с мифом о данном. Дело в том, что маленькие дети предстают в этом свете как существа, которые просто пассивно воспринимают информацию и лишь впоследствии, в процессе обучения, обретают способность концептуально обрабатывать ее. По-видимому, мы не можем просто так отказаться и от тезиса Веджвуда. В этом случае нам пришлось бы признать, что содержание ментальных состояний само по себе не обладает нормативным характером. В таком случае остается лишь один вариант решения проблемы – это отказ от тезиса Макдауэла, что позволяет нам сохранить тезис Брентано и тезис Веджвуда.

Однако отказ от представлений Макдауэла о второй природе сопряжен с рядом трудностей. Понятие нормативности тесно связано с понятиями свободы и произвольности в наших действиях и в формировании убеждений. Реагируя на основания, мы не действуем как механизмы, которые лишь каузально детерминированы. Обретая вторую природу, мы входим в пространство разумных оснований, которое Макдауэл также обозначает как пространство свободы. Воспринимая основания, мы сами в определенном смысле определяем, что нам думать и как нам действовать. Отбрасывая тезис Макдауэла

и принимая только первые два тезиса, мы сталкиваемся с невозможностью объяснить, каким образом свобода и произвольность связаны с нормативностью сознательной активности и каким образом эти понятия могут быть применены к животным и маленьким детям. Принимая во внимание все эти размышления, мы приходим к тому, что не можем ни отбросить какой-либо из этих тезисов, ни принять их вместе.

V

Проблема, с которой мы сталкиваемся, вызвана тем, что Макдауэл нигде не объясняет, каким образом происходит переход от «просто животного» к человеку, наделенному второй природой. И человек, и животные обладают чувственностью, перцептивной восприимчивостью, при этом человек также обладает спонтанностью, способностью концептуально организовывать свой опыт, формировать представления. Макдауэл видит проблему, которая перед ним возникает:

Кажется невозможным примирить факт, что чувствительность принадлежит природе, с мыслью, что спонтанность могла бы проникать в наш перцептивный опыт, в работу нашей чувственности. Как функционирование какого-то всего лишь природного фрагмента может быть структурировано спонтанностью, свободой, которая наделяет нас способностью брать ответственность за свое мышление? Если мы не видим возможности здесь, мы вынуждены предположить, что интуиция должна быть конституирована независимо от понимания с помощью ощущений, отвечающих естественным образом на воздействие мира [McDowell, 1996, p. 70].

Макдауэл противопоставляет свой вариант натурализма позиции, которую он обозначает как неприкрытый натурализм. Ее суть заключается в попытке продемонстрировать, что концептуальные способности не противопоставлены пространству природы, а сами являются естественными феноменами, обнаруживаемыми в природе. Макдауэл следующим образом характеризует этот вариант натурализма:

Мы можем отождествлять природу с царством закона, но при этом отрицать, что природа, рассмотренная таким образом, является абсолютным образом расколдованной. Основной тезис заключается в том, что даже представленная таким образом природа не исключает интеллигибельность, связанную со значением [Ibid., p. 73].

С точки зрения Макдауэла, неприкрытый натурализм недооценивает различие между пространством оснований и пространством природы. По мнению философа, «структура пространства оснований упрямо сопротивляется тому, чтобы быть апроприированной внутри натурализма, который рассматривает природу как царство закона» [Ibid.]. Как полагает Макдауэл, нам необходимо выбрать стратегию, которая рассматривает нашу способность отвечать на основания, способность спонтанности, как феномен *sui generis*, не ухватываемый в натуралистических терминах, но тем не менее не являющийся чем-то супранатуралистическим. Такое рассмотрение должно позволить нам показать,

что хотя пространство оснований несводимо никаким образом к пространству природы, «концептуальные способности все же задействованы в функционировании нашей чувственности» [McDowell, 1996, p. 74]. Иначе говоря, в попытках понять проявление спонтанности как естественный феномен «мы не нуждаемся в интеграции понятий, связанных со спонтанностью, в царство законов» [Ibid., p. 78], как это предлагается неприкрытым натурализмом. Нам нужно лишь понять проявление спонтанности как реализацию способа жизни, присущего нам как животным.

Дуализм природы и воспитания, который последовательно развивает Макдауэл, как мы видели, не позволяет нам решить проблему содержания, поэтому, возможно, нам следует от него отказаться. Мы должны допустить, что интенциональные состояния и концептуальное содержание, которое им присуще, должно обнаруживаться уже у животных и маленьких детей. С эволюционной точки зрения такой взгляд вполне оправдан. Концептуальные способности взрослого человека не появляются ниоткуда. Их формирование должно быть подготовлено наличием каких-то переходных форм концептуальной обработки реальности. На этот момент обратил внимание А. Макинтайр:

В этом заключалось мое утверждение, что с точки зрения Гадамера и Макдауэла этот переход может оказаться непостижим. Только потому, что некоторые существа, называемые Макдауэлом «всего лишь животные», уже направляемы определенным вариантом практического разума, который проявляется в их выборе *этого* в качестве основания для совершения *того*... некоторые из долингвистических условий, необходимые для развития человеческой рациональности... оказываются удовлетворенными. Дельфины, гориллы и представители некоторых других видов не в большей степени просто реагируют на входящие в их чувства данные, чем это делаем мы. Они также населяют мир, чьи характерные особенности могут обладать той или иной значимостью для них. Их ответные действия также базируются на их классификациях и интерпретациях. Они также допускают и исправляют ошибки [MacIntyre, 2001, p. 60–61].

Принимая тезис о существовании интенциональности и соответственно каких-то форм концептуального содержания у животных, мы способны описывать их поведение в нормативных терминах, говоря о том, как они «допускают и исправляют ошибки» в процессе взаимодействия с окружающей средой. В определенном смысле мы можем также говорить об относительной свободе живых существ. Их действия определяются не механической каузацией, а тем, что Серл обозначил как интенциональная каузация. Они реагируют на элементы окружающей среды, которые обладают для них какой-то значимостью, смыслом. Однако эта свобода от механической каузации, конечно, не является тем типом свободы, которой характеризуются действия взрослого человека. Для того чтобы понять, каким образом формируются свобода и нормативность в сознательной активности человека, необходимо, на мой взгляд, обратиться к представлениям Л.С. Выготского о развитии высших психических функций.

VI

Макинтайр отмечает, что «животные не могут схватить мир как целое. Они не могут отстраниться от своего непосредственного окружения» [MacIntyre, 2001, p. 47]. По его мнению, человек отличается от животного тем, что он способен принимать решения и действовать независимо от непосредственных воздействий окружающей среды, как бы отстраняясь от них. Именно в этом заключается наша свобода, а не просто в восприятии концептуальных оснований. Принимая решения, мы учитываем не просто концептуально представленное непосредственное положение дел. Мы стараемся принять наилучшее решение, исходя из нашего представления о мире в целом, опираясь на прошлый опыт, предвосхищая будущее развитие событий. С. Ловибонд следующим образом пишет об этом:

Совершение определенных действий потому, что они воспринимаются как приносящие пользу – что-то желаемое или ценное, и, соответственно, действие в силу оснований вполне возможно, как доказывает Макинтайр, является чертой общей для людей, дельфинов, горилл и множества других существ. Однако выбирать наилучший способ действия здесь и сейчас в свете всего того важного или ценного, что некто мог бы пожелать, чтобы это было обнаружено сторонним (воображаемым) наблюдателем в его жизни, – это действительно кажется закрепленным за людьми [Lovibond, 2008, p. 118].

В отличие от людей животные не способны на такого рода поведение и убеждения. Ловибонд пишет:

Витгенштейн указывает, что собака может быть уверена в том, что ее хозяин у дверей, но не в том, что он придет послезавтра, подобным образом мы можем сказать, что хотя горилла в клетке может выказывать признаки депрессии, она неспособна выказывать признаки чувства, что ее жизнь прошла впустую [Ibid.].

По вопросу о наличии у животных каких-то форм интеллектуальной деятельности Выготский, скорее, придерживается взглядов, подобных представлениям Макдауэла. Согласно ему, животные обладают инструментальным мышлением. Поскольку они способны решать различные интеллектуальные задачи, мы можем сказать, что какие-то формы нормативности присутствуют в их сознательной активности. Вероятно, Выготский также согласился бы с тезисом о том, что человека отличает от животного способность действовать независимо от непосредственного влияния окружающей среды. Однако он предлагает свое оригинальное объяснение этой способности.

Интеллектуальная деятельность животных ограничена перцептивным, прежде всего визуальным, полем. Ребенок же, осваивая формы деятельности, связанные с оперированием знаками, приобретает способность действовать независимо от непосредственного влияния визуального пространства. Выготский так пишет об этом:

Поведение обезьяны, описанное Келером, ограничено манипулированием животного в непосредственно данном зрительном поле, тогда как решение практической проблемы ребенком, способным говорить, в значительной

степени отдалается от натурального поля. Благодаря планирующей функции речи, направленной на собственную деятельность, ребенок создает рядом со стимулами, доходящими до него из среды, другую серию вспомогательных стимулов, стоящих между ним и средой и направляющих его поведение. Именно благодаря созданному с помощью речи второму ряду стимулов поведение ребенка поднимается на более высокий уровень, обретая относительную свободу от непосредственно привлекающей ситуации, и импульсивные попытки преобразуются в планируемое, организованное поведение [Выготский, 1984, с. 24–25].

Овладение знаковой деятельностью не является каким-то сверхъестественным явлением. Сам знак понимает в экстерналистском ключе как некий внешний материальный объект. «Операция употребления знака, стоящая в начале развития каждой из высших психических функций, по необходимости носит в первое время характер внешней деятельности. Знак вначале, как правило, есть внешний вспомогательный стимул, внешнее средство автостимуляции» [Там же, с. 16–17]. Более того, для достижения своих целей ребенок обращается со знаком как с вполне конкретным материальным орудием, с помощью которого он стремится оказывать воздействие на внешние объекты, прежде всего на взрослых: «В ряде экспериментов мы наблюдали, как ребенок, видя безнадежность своих попыток, обращается прямо к предмету деятельности, к цели, прося ее приблизиться к нему или опуститься, в зависимости от условий задачи. Здесь мы видим смешение речи и действия того же лица. С таким смешением часто сталкиваешься, когда ребенок, производя действия, разговаривает с объектом, обращаясь со словами так же, как с палкой» [Там же, с. 32]. Лишь впоследствии ребенок начинает использовать речь для управления своим поведением, позволяя тем самым отделить собственную сознательную активность от непосредственного воздействия стимулов окружающей среды.

Важно отметить, что оперирование знаком не является вспомогательным элементом интеллектуальной активности ребенка. Как я пытался показать, действие знака следует рассматривать через призму теории расширения когнитивных процессов [Иванов, 2019]. Суть этой теории заключается в признании того, что объекты внешнего мира могут выступать как элементы когнитивных процессов. Они не просто каузально воздействуют на психику субъекта, а именно конституируют психические функции. Без них соответствующие функции просто не существовали бы. Такую зависимость когнитивных процессов от возможности оперировать знаками продемонстрировали эксперименты Выготского:

Первое же наблюдение за ребенком в экспериментальной ситуации, сходной с ситуацией, в которой Келер наблюдал практическое применение орудия обезьянами, показывает, что ребенок не просто действует, пытаясь достичь цели, но одновременно говорит. Речь, как правило, возникает у ребенка спонтанно и длится почти непрерывно на протяжении всего эксперимента. Она проявляется с большим постоянством и усиливается всякий раз, когда ситуация становится более трудной и цель оказывается не столь легко достижимой. Попытки помешать ей (как показали эксперименты нашего сотрудника

Р.Е. Левиной) или ни к чему не приводят, или останавливают действие, скрывая все поведение ребенка [Иванов, 2019, с. 22].

Овладение речью, знаковой активностью является основой преобразования всех когнитивных процессов ребенка, способствует появлению того, что Выготский обозначил как высшие психические функции. Поэтому вхождение в пространство оснований, обретение второй природы следует связывать не просто с развитием концептуальных способностей, которые в примитивном виде уже содержатся у животных, а именно с развитием способности оперировать знаками.

VII

Таким образом, перед нами вырисовывается следующая картина. Интенциональность является существенной характеристикой всех сознательных ментальных состояний. Важнейшим элементом интенциональных состояний является содержание, благодаря которому мир дается субъекту этих состояний определенным образом как обладающий значимостью, смыслом. Объясняя природу интенционального содержания, мы неизбежным образом задействуем нормативные термины. Сознательный опыт обладает нормативным характером.

Нет никаких оснований отказывать животным и маленьким детям в обладании интенциональными состояниями. Это становится особенно очевидно, если мы признаем, что животные обладают инструментальным мышлением, способны к решению определенных задач, связанных с выживанием, допущению и исправлению ошибок, осуществлению исследований, необходимых для освоения окружающей среды. Все эти виды активности обладают нормативным измерением. Это позволяет нам говорить также о том, что с такой нормативностью связан определенный вид свободы. Животные не зависят от чисто механических каузальных воздействий. Их активность определяется интенциональной каузацией.

Однако животные остаются зависимыми от перцептивного поля, решение какой-либо задачи становится для животного невозможным, если ключевой элемент для такого решения не попадает в его поле зрения. Ребенок, развивая способность оперировать знаками, освобождается от этой зависимости. Его деятельность теперь определяется не стимулами окружающей среды, а знаковой реальностью, в которую он оказывается погружен. Очевидно, оперирование знаками предполагает иной вид нормативности, отличный от того, которым мы могли бы наделить животных. Свобода же от перцептивного поля является главным условием обретения второй природы.

Такое понимание свободы, по-видимому, не совпадает с макдауловским пониманием. С точки зрения Макдауэла, вторая природа связана с развитием такой интеллектуальной добродетели, как интеллектуальная автономия, и обретением интеллектуальной свободы. Обсуждая идею свободы у Макдауэла, Д. Бэкхерст выделяет прежде всего два важнейших аспекта интеллектуальной свободы: «интеллектуальная свобода является “свободой решать, что думать”» и «интеллектуальная свобода является “по существу способностью

ответить на критику в свете рационально значимых соображений» [Бэкхерст, 2014, с. 168].

Очевидно, такое понимание свободы предполагает, что субъект находится на высшем уровне развития своих концептуальных способностей. Обращаясь к Выготскому, можно сказать, что эта способность формируется у ребенка на позднем этапе развития уже в школе. Она предполагает освоение абстрактных или научных понятий. С точки зрения советского психолога, только на этом этапе ребенок обретает осознанность и произвольность в оперировании понятиями. Если отождествлять обретение второй природы с появлением такой интеллектуальной свободы, то нужно сказать, что человек достаточно поздно становится обитателем пространства рациональных оснований. Такой взгляд исключает из этого пространства не только животных и очень маленьких детей, но и детей дошкольного возраста. Для того чтобы избежать подобного вывода, на мой взгляд, следует считать этот этап завершающим этапом обретения второй природы. Вхождение же в пространство оснований следует все же связывать именно с развитием способности оперировать знаками и обретением свободы от перцептивного поля.

Предложенные размышления, по моему мнению, позволяют решить проблему примирения обозначенных выше тезисов. Однако, как видно, трудная проблема содержания не исчезает, поскольку предложенный мной взгляд на проблему содержания и нормативности предполагает отказ от физикалистского натурализма, делающего акцент прежде всего на каузальных связях, которые могут быть представлены, в идеале, на языке физики. Такой взгляд предполагает отказ от механистических представлений и допущение, что действия живых существ определяются прежде всего значениями и смыслами, которые уже наличествуют в мире.

Список литературы

Брентано, 1996 – *Брентано Ф.* Психология с эмпирической точки зрения // *Брентано Ф.* Избранные работы / Пер. с нем. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги, 1996. С. 9–91.

Бэкхерст, 2014 – *Бэкхерст Д.* Формирование разума / Пер. с англ. Е.О. Труфановой. М.: Канон+, 2014. 368 с.

Витгенштейн, 1994 – *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1 / Пер. с нем. М. Козловой, Ю. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 75–319.

Выготский, 1984 – *Выготский Л.С.* Орудие и знак в развитии ребенка // *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Педагогика, 1984. С. 5–90.

Иванов, 2019 – *Иванов Д.В.* Экстернализм и теория расширенного сознания // *Философия науки и техники.* Т. 24. № 2. С. 33–42.

Серль, 1987 – *Серль Дж.* Природа Интенциональных состояний / Пер. с англ. А.Л. Никифорова // *Философия, логика, язык.* М.: Прогресс, 1987. С. 96–126.

Серл, 2002 – *Серл Дж.* Открывая сознание заново / Пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.

Lovibond, 2008 – *Lovibond S.* Practical Reason and its Animal Precursors // John McDowell: Experience, Norm, and Nature / Ed. by J. Lindgaard. Malden, MA: Blackwell, 2008. P. 112–123.

MacIntyre, 2001 – *MacIntyre A. Dependent Rational Animals: Why Human Beings Need the Virtues*. Chicago, IL: Open Court, 2001. 180 p.

McDowell, 1996 – *McDowell J. Mind and World*. With a New Introduction by Author. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 191 p.

Thornton, 2004 – *Thornton T. John McDowell*. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press, 2004. 208 p.

Wedgwood, 2007 – *Wedgwood R. The Nature of Normativity*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 296 p.

Normativity and the hard problem of content

Dmitry V. Ivanov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: ivdmitry@mail.ru

Explaining the nature of conscious states, we are faced with the hard problem of content. Facing this problem, we cannot reconcile three theses: F. Brentano's thesis that all mental states are intentional; the thesis of R. Wedgwood that the intentional is normative, and the thesis of J. McDowell that the normativity of conscious experience arises as the result of education, the acquiring the second nature. To overcome this difficulty, it is proposed to turn to L.S. Vygotsky's ideas about the formation of higher mental functions. Assuming the existence of instrumental thinking in animals, we allow elements of normativity and freedom in their conscious activity. However, the freedom of action of animals is limited by the visual field. A child achieves independence from the perceptual field, mastering sign activity. Mastering this type of activity, which is obviously normative, is an example of the extension of cognition. The article states that the acquisition of the second nature depends precisely on the development of the ability to operate with signs. McDowell's idea that the acquisition of the second nature is associated with the development of conceptual abilities reflects only the last stage of the child's development, when he masters work with abstract (scientific) concepts. The proposed reflections allow us to solve the problem of reconciliation of the above theses. However, the hard problem of content does not disappear, since the proposed view on the problem of content and normativity involves a revision of the foundations of naturalism and the assumption that the actions of living beings are determined primarily by the meanings that are already present in the world.

Keywords: The hard problem of content, intentionality, mental content, normativity, reasons, naturalism, the second nature

Reference

Bakhurst, D. *Formirovanie razuma* [The Formation of Reason], trans. by E.O. Trufanova. Moscow: Kanon+ Publ., 2014. 368 pp. (In Russian)

Brentano, F. *Psihologija s jempiricheskoj točki zrenija* [Psychology from an empirical standpoint], in: F. Brentano, *Izbrannye raboty* [Selected papers], trans. by V. Anashvili. Moscow: Dom intellektual'noj knigi Publ., 1996, pp. 9–91. (In Russian)

Ivanov, D.V. Eksternalizm i teoriya rasshirennogo soznaniya [Externalism and the theory of the extended mind], *Filosofiya nauk i itekhniki / Philosophy of Science and Technology*, vol. 24, no. 2, pp. 33–42. (In Russian)

Lovibond, S. "Practical Reason and its Animal Precursors", *John McDowell: Experience, Norm, and Nature*, ed. by J. Lindgaard. Malden, MA: Blackwell, 2008, pp. 112–123.

MacIntyre, A. *Dependent Rational Animals: Why Human Beings Need the Virtues*. Chicago, IL: OpenCourt, 2001. 180 pp.

McDowell, J. *Mind and World. With a New Introduction by Author*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 191 pp.

Searle, J. *Otkryvaja soznanie zanovo* [A Rediscovery of the Mind], trans. by A.F. Grjaznov. Moscow: Ideja-Press, 2002. 256 pp. (In Russian)

Searle, J. "Priroda intencional'nyh sostojanij" [The nature of intentional states], trans. by A.L. Nikiforov, *Filosofija, logika, jazyk* [Philosophy, logic, language]. Moscow: Progress Publ., 1987, pp. 96–126. (In Russian)

Thornton, T. *John McDowell*. Montreal, Kingston: McGill-Queen's University Press, 2004. 208 pp.

Vygotsky, L.S. "Orudie i znak v razvitie rebenka" [Tool and Sign in the Development of the Child], in: L.S. Vygotsky, *Sobranie sochinenii* [The Collected Works], Vol. 6. Moscow: Pedagogika Publ., 1984, pp. 5–90. (In Russian)

Wedgwood, R. *The Nature of Normativity*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 296 pp.

Wittgenstein, L. "Filosofskie issledovaniya" [Philosophical Investigations], trans. by M. Kozlova, U. Aseev, in: L. Wittgenstein, *Filosofskie raboty* [Philosophical papers], Vol. 1. Moscow: Gnosis Publ., 1994, pp. 75–319. (In Russian)